

Кристиан Роберт Винд

*Впервые
на русском!*

ПРИЗРАКИ ГЛУБИН

иногда темное прошлое пожирает настоящее

Mystic триллер

Кристиан Винд

Призраки глубин

«Автор»

Винд К. Р.

Призраки глубин / К. Р. Винд — «Автор», — (Mystic триллер)

ISBN 978-5-44-908309-8

В сезон осенних ливней портовый городок охватывает череда таинственных похищений — младенцы один за другим испаряются без следа, и у полицейских нет ни единой зацепки. Детектив, страдающий от редкого психического расстройства, вынужден взяться за расследование. Томас Колд быстро понимает, что в этом деле слишком много странностей и черных пятен. К тому же, все ниточки словно ведут его к далекому, умирающему острову...

ISBN 978-5-44-908309-8

© Винд К. Р.

© Автор

Содержание

Глава 1. Сезон черных ливней	6
Глава 2. «Тихая Мария»	22
Глава 3. Остров Сорха	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Призраки глубин

Кристиан Роберт Винд

Дизайнер обложки Лилиан Вэй

Переводчик Лидия Азимова

© Кристиан Роберт Винд, 2019

© Лилиан Вэй, дизайн обложки, 2019

© Лидия Азимова, перевод, 2019

ISBN 978-5-4490-8309-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В конечном итоге, мы все превратимся в пыль, смешавшись с грязью земли, а затем неизбежно станем одним целым.

Посвящается светлой памяти Брэндона Л.

Глава 1. Сезон черных ливней

«Иногда я сама не понимаю, почему мне так нравится море. Меня влечет к нему, словно я вижу что-то тайное в мутной воде... Мне кажется, даже когда весь мир перестанет существовать, море останется. Это будет единственное место, способное напоминать об ушедшей жизни...»

Из дневника Г. М.

1

Четыре часа утра и одиннадцать минут, всегда одно и то же время. Я выпадаю из бездны забытья с колотящимся сердцем секунда в секунду, не раньше и не позже. Как будто внутри моего рассудка вшили дешевые механические часы с тусклыми графитовыми цифрами. Но это – еще не самое удручающее. Гораздо хуже то, отчего я пробуждаюсь, нервно сжимая и разжимая заледеневшие пальцы. Это сны.

Хотя я бы не стал называть навязчивые ночные кошмары снами, если подумать. Ведь сновидения – это нечто воздушное, мечтательно-прелестное и наивное, полное ярких красок и глупого романтизма. Мои же блуждания по закоулкам души отравляли существование, отбирали жизненные силы, вытягивая их сквозь невидимую дыру в подреберье. Они куда больше напоминали порождения умирающего мозга.

Сегодня я видел лодку. Мерно и неспешно покачиваясь на темных волнах, она казалась ореховой скорлупой в бесконечном пространстве соленой черной воды. Мне было неудобно – я до дрожи ненавижу море и все, что с ним связано. Этот необъяснимый страх преследовал меня с самого рождения и лишь усугублялся с течением лет, перерастая в настоящую фобию. Вдобавок, лодку со всех сторон окружал какой-то неестественный, слишком густой и вязкий туман.

– Они говорят, что я ненастоящая, – тихо прошепел слабый голос позади меня.

Я резко обернулся. Сырой морской ветер трепал темные волосы сгорбившейся на досках девушки, сквозные порывы подхватывали вверх лохмотья, оставшиеся от ее тонкого цветастого платья. Она спокойно сидела напротив меня, скрестив костлявые кисти на посиневших от холода коленях.

– Я знаю, – наконец произнес я.

Мне было холодно. Руки тряслись так сильно, что я невольно подумал – наверняка это озноб раскачивает хлипкое дощатое суденышко. Но отвести от нее взгляд было просто невозможно. Я рассматривал свою печальную гостью жадно и пристально, не решаясь даже пошевелиться. Словно одно мое неосторожное движение могло спугнуть ее, как огромную ночную птицу.

– Ты веришь им? – едва шевеля губами, спросила она.

Крошечную лодку упорно болтало из стороны в сторону, и с каждым мгновением становилось все холоднее. От пронизывающей стужи тело неприятно сводило и подергивало, меня целиком била мелкая, но назойливая дрожь.

– Я больше не знаю, кому верить... Я просто очень устал.

Я сказал правду. Все, что я ощущал в эти мгновения – свинцовую тяжесть и сдавливающую боль в грудной клетке. И полное, тотальное одиночество.

Она улыбнулась одними уголками синюшного рта. А затем отвернулась, глядя куда-то в пустоту, поверх окутанных сизой мглой темнеющих волн.

– Скоро все это закончится.

Продолжая сверлить взглядом ее зыбкую фигуру, я внезапно почувствовал, как откуда-то из глубины горла наверх продирается тяжелый ком. Застрав в глотке, намертво сдавив ее и не давая даже вдохнуть, он радостно пульсировал, порождая удушье.

– Знаешь, я ведь умерла здесь. Прямо на этом месте, – внезапно бросила она.

– Что? – от неожиданности и изумления я замер, приподняв одну окоченевшую кисть на пути к спасительному карману плаща.

– Ты много говоришь, Том, – заметила она слишком холодно. – А я пришла затем, чтобы ты слушал.

– Так было всегда, верно? Ты ведь никогда не приходила ради меня.

Лодка опасно накренилась в одну сторону, а затем зашаталась то в один бок, то в другой, словно мечтая сбросить нас обоих в пучину мерзлых волн. Я с трудом балансировал, расправив руки в стороны. Полы отсыревшего плаща метались вверх и вниз, и, несмотря на то, что все вокруг погрузилось в морозную темноту, где-то в середине моей грудной клетки горел невыносимый свет, обжигая душу до боли.

– Нам нужно поговорить... – настойчиво повторил безжизненный голос.

Провалы ее глаз блестели неестественным, жутким мерцанием. Казалось, что вместо глазных яблок там причудливым образом оказались два чернеющих озера с непроницаемой, засасывающей свет жидкостью.

Я собирался было ответить. Сказать ей все, что так долго тлело в закоулках рассудка. Потребовать ответа, чтобы перестать ненавидеть себя самого или хотя бы попытаться это сделать, но тут лодку качнуло в правый бок, она сильно накренилась, и я скатился за борт, с головой уйдя под ледяную воду...

Я открыл глаза. Затем медленно приподнял ладонь и поднес ее к своим раскаленным щекам. Подушка подо мной была насквозь сырая от пота. А в ребрах громко колотилось сердце, эхом отражаясь от барабанных перепонок. Машинально я повернул голову и взглянул на циферблат. Четыре одиннадцать.

– День обещает быть восхитительным, – устало обронил я самому себе.

Холодный дождь зарядил с самого рассвета. Стоя у пыльного окна с бокалом самого дешевого виски в городе, я смотрел вниз, на неуютный серый переулок. Обычно в это время улица уже забита доверху офисными клерками в одинаковых плащах, а на углу у мясной лавки толкуются шумные домохозяйки, которые всеми силами пытаются выпросить у приземистого продавца лакомый кусок мяса за половину стоимости. Но сегодня переулок был совершенно пустым.

Он напомнил мне мою квартиру. Я жил здесь уже почти три года, но до сих пор ко мне в гости никто не заглядывал, только по понедельникам городской почтальон упорно просовывал тощую местную газету под дверную щель. Когда я впервые переступил порог этой мансарды и затащил свои скромные пожитки на чердак, здесь было очень пыльно, повсюду на полу пачками громоздились старые журналы и книги, пропахшие плесенью. Ничего с тех пор не изменилось, я только сдвинул ногой загнивающую литературу за спинку выцветшего бордового дивана.

Во время сильных проливных дождей и ранней весной, когда начинал таять снег, с потолка над арочным окном тихо падали мелкие грязные капли. Крыша у здания уже давно износилась и прохудилась, но жильцов снизу это не слишком беспокоило, потому они не спешили жаловаться домовладельцу или обращаться к губернатору. Да и мне, признаться, было на это совершенно наплевать.

Этот район был одним из самых убогих и неустроенных в городе, а потому типичные признаки бедности и нищеты здесь считались чем-то естественным и даже правильным. Большая часть завсегдаев местных пабов и трактиров имела потрепанный и жалкий вид, ровно

как и прохожие на здешних улицах. Но мне нравилось тут. Казалось, что жизнь здесь имеет особый, какой-то острый и явный привкус, что она подлинная и действительно настоящая.

Я отхлебнул из бокала и вперился взглядом в лужу, медленно растущую возле входа в соседнее жилое здание. Обычно я не пью так рано, но сегодня мне абсолютно нечем было заняться, да и погода на улице отбила всякое желание высовываться куда-то из этой плесневелой конуры.

Мое внимание неожиданно привлекла сухая женская фигура в переулке. Она быстро засеменила к соседнему дому, застыла на несколько мгновений в неуверенности у лестницы, ведущей к входной двери, затем вынула из кармана смятый желтоватый лист. Капли тут же намочили бумагу, и старуха недовольно сунула ее обратно в свое темное пальто. И тут она обернулась, подняла голову и посмотрела прямо на меня.

Я приветливо махнул ей рукой и собирался было вернуться к бокалу с виски, но фигура неожиданно резво метнулась в сторону моего подъезда и юркнула под ветхий, облупившийся навес. Раздался приглушенный скрип входной двери.

Какого черта ей нужно? Уж не решила ли старушка, что я позвал ее на огонек? В мои планы сейчас совсем не входил прием гостей, тем более – таких. Но за дверью уже послышался шум и сдавленное тяжелое дыхание, а затем кто-то с силой постучал в дверь. Я отставил бокал в сторону и с раздражением пригладил растрепанные волосы.

– Идите прочь, вы неправильно истолковали мой жест, – крикнул я в замочную скважину и уже повернулся, чтобы направиться обратно к виски, одиноко поблескивающему на подоконнике.

– Откройте, откройте! Я по делу пришла! Это ведь вы детектив Томас Колд?

Я невольно усмехнулся. Уже три года я не слышал этого обращения. На мгновение я мысленно перенесся в те времена, когда меня так называли каждый день. Когда еще все было хорошо... Эта старуха всколыхнула в памяти ненужные и болезненные для меня воспоминания, которые тотчас всплыли из глубины на поверхность.

– Что вам нужно от меня? – грубо выкрикнул я в дверную щель.

– Детектив, прошу вас! Мне нужно поговорить, я очень нуждаюсь в ваших услугах, – не унималась назойливая старуха.

У нее был нетипичный, странный говор, который обычно с головой выдавал иммигрантов с юга. Только зачастую они спешно покидали эти неприветливые края, хорошо изучив здешнюю погоду и живущих на побережье людей. Да и не только южанам город был не по душе. За последние несколько лет толпа прохожих на улицах заметно поредела.

– У меня для вас плохие новости: я давно не занимаюсь расследованиями. Всего хорошего!

– Нет-нет, пожалуйста! Я знаю об этом, но разрешите мне хотя бы просто изложить суть дела.

– И тогда вы уйдете?

– Да-да! Обещаю, детектив, клянусь!

– Только как можно короче, я тороплюсь, – солгал я.

Старуха принялась рассыпаться в благодарностях сразу на нескольких языках, а я осторожно отворил дверь и выглянул из-за нее. На пороге показалась знакомая сухая фигура. Темное пальто ее оказалось насквозь промокшим, женщина мелко подрагивала от холода, у нее посинели губы и щеки.

– Что вам дома не сидится в такую погоду?

– Я искала вас очень долго, детектив, здесь легко можно заплутать, – она внезапно смутилась и нерешительно топталась на пороге, ожидая приглашения.

Я вздохнул. Не прогонять же старуху прямо сейчас обратно, еще, чего доброго, простынет насмерть. Я сделал быстрый и резкий приглашающий жест, демонстрирующий крайнюю

степень своей невоспитанности и неуважения к старшим, и незваная гостья тут же шагнула в недра моего унылого жилища.

– Ну, так чем обязан? Хочу еще раз напомнить, что я уже не занимаюсь тем, за чем вы сюда пришли. Так что вы напрасно потратили свое время.

– Да-да, я понимаю, но... Может быть, все же... Я хочу попросить кое о чем, детектив... Чтобы вы выслушали меня, а уже потом сказали свой ответ.

Она с некоторой опаской опустилась на дряхлый бордовый диван, поежилась, а затем с надеждой уставилась на меня. На вид ей было около шестидесяти, но, несмотря на виднеющуюся сетку морщин на лице и поблекшие светлые глаза, она все еще оставалась довольно миловидной, держалась прямо и сохранила девичью подвижность. У нее была темная, почти оливковая кожа, на фоне которой мелкие белые зубы казались еще ярче.

– Ответ я могу дать только один. При всем желании, сударыня, мне запрещено заниматься расследованиями на территории этой страны.

Я вернулся к полупустому бокалу, облокотился о холодный подоконник и со скучающим видом стал ждать душещипательного повествования своей неожиданной гостьи. Раньше обычно так все и происходило: ко мне приходили самые разные люди, садились в продавленный диван, делились своими проблемами или горем, а я за определенное вознаграждение брался им помогать. Но под сводами этой квартиры такое происходило впервые – в эти самые мгновения.

– О да, Томас Колд! Я знаю об этом. Вы набросились на подозреваемого, и у вас отобрали лицензию! Я читала об этом несколько лет назад в газете.

– Тогда зачем вы пришли?

– Я знаю не только об этом, но и о том, что для вас справедливость всегда была важнее закона! К сожалению, в наши времена это – два разных понятия.

Я прекрасно понимал, к чему она ведет. Почти три года назад, во время расследования исчезновения пятилетнего ребенка, я напал на след местного маньяка, который похитил девочку и держал ее у себя в конюшне на протяжении нескольких недель. Когда я, наконец, сумел отыскать логово зверя, то обнаружил в нем и полуживое, заморенное голодом грязное дитя, и самого ублюдка. Я не смог сдержать приступ гнева и исколотил маньяка первым, что попало под руку. Увы, этим предметом оказалась увесистая и весьма жадная до человеческой крови кувалда. В результате мой подозреваемый лишился правого глаза и былой красоты, а я навсегда потерял лицензию детектива.

Все прекрасно осознавали, что именно этого и заслуживал зверь, я даже был уверен в том, что большая часть полицейских с радостью проделали бы с ублюдком все то же самое. Но ничего не поделаешь – по закону я не имел права наносить ущерб здоровью подозреваемого, даже если бы он при мне расчленил и с аппетитом поедал младенцев. Это дело стало последним в моей карьере детектива, и я был вынужден переехать сюда, потому что остался без работы и без средств к существованию.

– Очень трогательно, но я многое переосмыслил после того, как остался без работы. И проблемы с законом мне сейчас не нужны тем более. Как я понимаю, вы предлагаете мне именно это?

Старуха замялась и умолкла. Она теребила свои пальцы, сложив руки на коленях, глядела куда-то в сторону и, казалось, то ли собиралась с запутанными мыслями, то ли набиралась храбрости для ответа. Ее плечи все еще мелко подрагивали, с седых волос на них то и дело падали крупные капли. Ее ноги были вымочены едва ли не до колен, а под старыми ботинками на полу уже собралась мутная грязная жижа.

– Мой маленький внук пропал. Понимаете... Ему всего два года, он совсем малыш...

Она осеклась и с шумом вдохнула, стараясь успокоиться, но по ее морщинистым щекам уже начали струиться слезы.

– Кроме него у меня больше никого нет! Моя дочь умерла почти сразу после родов, этот ребенок – моя единственная радость в жизни, без него мне на этой земле делать нечего...

Она вытерла мокрым рукавом пальто свои щеки и выпрямила спину. В глазах ее читались одновременно и крик о помощи, и немая мольба, и покорное смирение. Я понял, что если ей не вернут младенца, то она наложит на себя руки, не раздумывая ни секунды. Природа наградила меня единственным талантом – я видел насквозь тайные страхи людей, о которых даже они сами порой не догадывались.

– С такими делами следует обращаться в полицейский участок. Зачем вы пришли ко мне?

– Я обращалась, – внезапно взвизгнула она, вскочив на ноги.

Я вздрогнул и уставился на нее. Старуха беспокойно металась по гостиной, оставляя на полу дорожки из грязных следов. Она то со злостью сжимала кулаки, то в отчаянии хваталась за волосы.

– Там мне сказали, что этим делом занимаются и делают все, что только в их силах, но прошел почти месяц! Я прихожу в участок каждый день, но полицейские только разводят руками. Люди говорят, что это не первый такой случай, уже несколько детей было похищено из разных кварталов города. Но ни одного так и не нашли!..

Я призадумался. Действительно, пару раз на глаза мне попадалась заметка в газете о том, что местные полицейские ищут пропавших детей, но я не придавал этому значения и не читал новость дальше заголовка. Но если в городе и правда объявился человек, ворующий маленьких детей, то власти должны были встать на уши и развернуть масштабную операцию, чтобы успокоить жителей и предотвратить новые исчезновения.

Моя взбалмошная гостья так же внезапно перестала бегать кругами по гостиной, как и начала. Осторожно подкравшись ко мне, она зашептала в самое ухо, словно боясь, что ее могут подслушать:

– Еще люди говорят, что власти специально делают все, чтобы детективы не нашли ни одной зацепки и не обнаружили никаких следов. Они думают, что младенцев похищают с каким-то умыслом. Вчера я была в таверне, зашла туда, чтобы заглушить свою невыносимую острую боль. Там было немногочисленно, только старый капитан Мегрисс выпивал на своем привычном месте. Ближе к полуночи мы оба уже опрокинули не один стакан рома и потому невольно разговорились. Я подседа к капитану и поделилась своим горем, начала плакать и сетовать на бессилие властей, рассказала ему о своем дорогом и любимом мальчике...

Она с силой вцепилась в мое плечо и встряхнула его, словно призывая начать слушать ее еще внимательнее:

– И тут он словно изменился в лице, побледнел, стал креститься и что-то бормотать. Мне даже показалось, что он молился! Он не захотел продолжать со мной беседу, бросил монеты на стол и пулей вылетел из трактира. Я уверена, он что-то знает! Ему известно то, что происходит в городе, и он может привести меня к моему внуку... Но я не смогу добиться правды, я слишком стара, слишком слаба и раздавлена своим горем. Прошу вас, детектив! Умоляю, это единственная моя надежда! Мне больше некого просить и некуда идти. Найдите моего мальчика, верните мне ребенка... Если он еще жив...

2

– Ну и что ты от меня хочешь, Том? Ты же знаешь, что у меня нет таких полномочий!

Я ожидал именно такого ответа, а потому подготовился заранее. В кабинете у инспектора Барри было жарко, повсюду громоздились подшивки с нераскрытыми делами и пухлые досье в папках с синими обложками. У небольшого овального окна в цветастом горшке красовалось разлапистое зеленое растение с ажурными причудливыми листьями – его инспектор специально приволок сюда из дому.

На массивном и старом столе из темного дерева сейчас стояла чашка недопитого кофе и надкушенный румяный круассан. Полноватый мужчина явно собирался приступить к обеду, когда я бесцеремонно ввалился в его кабинет.

– Но ты можешь хотя бы просто сделать запрос. Его совсем необязательно оформлять официально, – настаивал я, фривольно развалившись в глубоком кресле напротив своего собеседника.

Барри вздохнул. У него было простоватое круглое лицо с немного выпуклыми, всегда печальными черными глазами. Над верхней губой толстяка поблескивали сединой аккуратно уложенные усы, которые ему совершенно не шли и лишь делали его внешность еще более нелепой. Его детское лицо странным образом контрастировало и с этой густой растительностью цвета грифельного карандаша, и с его раздутым животом, выглядывающим из-под расстегнутого пиджака.

– Если об этом станет известно, меня начальство не похвалит, – сморщился он, сложив свои большие пальцы на краешек стола.

– Тогда сделай так, чтобы об этом никто не знал, кроме нас двоих.

– Ты же понимаешь, что о текущих делах мне распространяться нельзя, Том! Это совсем не то же самое, что отыскать для тебя в хранилище древнее убийство или кражу двадцатилетней давности!

– Я гляжу, эта престарелая дамочка была права. Здесь действительно делают все возможное, чтобы не допускать утечки информации. Тебе не кажется это странным, Барри? Сколько детей уже пропало без вести? Двое? Трое?.. Или, быть может, счет пошел на десятки?

– Мы делаем все, что только можем...

– Ты эту канцелярскую чушь будешь твердить родителям похищенных младенцев, – обрвал его я.

Инспектор смутился и принялся тереть пальцами ручку от чашки с кофе. Я понял, что попал в цель. Барри наверняка стыдится того, что ему приходится изо дня в день разводить руками перед терзаемыми горем людьми, от этого он чувствует себя виноватым и одновременно беспомощным.

– Ты ведь тоже не так давно стал отцом. Неужели тебе действительно наплевать на то, что по всему городу испаряются младенцы? Если бы ты однажды вернулся домой и обнаружил пустую остывающую кровать, то наверняка был бы поговорчивее.

– Господи, Том!.. Что ты такое говоришь?

Инспектор достал из нагрудного кармашка пиджака носовой платок и с пыhtением протер им лоб. Он выглядел сейчас таким расстроенным и несчастным, что мне оставалось просто надавить на него в последний раз, чтобы получить то, за чем я сюда явился.

– Послушай, я знаю, что у нас с тобой не самые теплые родственные отношения... – начал было я.

– Еще бы, Том! Мало того, что ты упился до чертиков на свадьбе собственной сестры, так еще при всех гостях ты поздравил меня, назвав чужим именем! И продолжаешь делать это по сей день!

Он схватил медную прямоугольную табличку со своего стола, развернул ее и поднес вплотную к моему лицу. Тусклые темные буквы сложились воедино.

– Гарри Баррисон. Разве я не сказал то же самое?

– Нет, Том!

– Опустим эти незначительные детали, Барри, ты же знаешь, что у меня врожденные особенности, из-за которых я не могу запоминать людских имен.

– Да, конечно. А еще ты забываешь, где мы с твоей сестрой живем, и вспоминаешь обо мне только тогда, когда тебе нужна засекреченная информация. Еще одна твоя врожденная особенность, – проворчал инспектор.

Пока мужчина недовольно пыхтел в своем кресле, с обидой поглядывая в мою сторону, я всюду копошился в его бумагах на столе. Внезапно из-под этих завалов я извлек на свет увесистую подшивку. С ликующим воплем я в одно мгновение вскочил на ноги и ринулся к двери, ведущей в коридор. Одутловатый инспектор побежал вслед за мной, хватаясь за сердце и умоляя меня остановиться.

– Ты спятил, Том! Немедленно верни дело!.. Том! Том, твою мать! Эти бумаги нельзя выносить из здания...

Он остановился у стены, уперся в нее одной рукой и тяжело задышал. Его лицо покраснело, белая рубашка на груди и шее взмокла. А ведь мы всего-то пробежали с десятков метров.

– Послушай, я изучу дело и верну его тебе завтра же. Заберешь его прямо из моей квартиры.

– А ты?.. Куда ты собрался? – отдышавшись, поинтересовался толстяк.

– Пока еще не знаю, но из того, что я успел выяснить, становится понятно, что пока что единственная зацепка – это старый пьяница из прибрежного трактира.

– Ты же не станешь туда идти и искать его? Том, это дело вне твоей юрисдикции, ты же осознаешь, что будет, если тебя заметят за тем, что ты ходишь там, где не следует, и вынюхиваешь детали, которые следствие предпочитает не разглашать? И не забывай, что теперь ты даже не детектив!

– Спасибо, что напомнил, Барри.

Я сунул подшивку с бумагами себе под плащ и быстро сбежал с крыльца вниз на мокрый, грязный тротуар. Инспектор остался беспомощно стоять у входа в полицейский участок, укрывшись от противных капель дождя под округлым навесом.

Здесь, на центральных городских улицах, тоже было почти безлюдно, только с другой стороны у дороги виднелась патрульная машина, из которой доносился приглушенный рацией голос. Низкие дома сгрудились по обе стороны тротуара, словно толкая друг дружку своими растрескавшимися боками. Я шагнул за угол, крепко прижимая подшивку к себе.

– Баррисон! Гарри Баррисон!.. – донеслось откуда-то позади, сквозь стук дождевых капель.

Я добрался домой пешком всего за полчаса, быстро лавируя по мокрым скользким проулкам. По пути мне встретились лишь несколько собачников и унылый торговец с букетами мокрых цветов. Когда я вошел в темный сырой подъезд, на улице уже смеркалось. Зажглись редкие тусклые фонари, которые сквозь пелену серого ливня выглядели зыбким потусторонним маревом.

В моей квартире было холоднее, чем обычно. Я забрался на диван, не разуваясь, лишь сбросил с себя вымокший до нитки плащ. В комнате царил полумрак, поэтому мне пришлось протянуть руку, чтобы включить стоявший неподалеку древний торшер. Его тканевый абажур с вылинявшими бутонами красных роз тут же приветливо засиял, наполнив гостиную подобием уюта.

На полу у подоконника уже набралась целая лужица мутноватой воды. Капли с потолка со звоном приземлялись в нее, бесконечно вторя свою заунывную осеннюю симфонию. Позади незанавешенного окна порывы ледяного ветра трепали голые скользкие сучья деревьев, словно заставляя их биться в странной и жуткой агонии. Откуда-то снизу, из самых недр старого дома, доносилось бормотание телевизора. Подшивка с бумагами лежала у меня на коленях. Я медленно листал ее, одновременно делая пометки у себя в карманном блокноте, записывая туда фамилии похищенных детей.

Я не соврал Барри, когда сказал, что не могу запоминать имен. С самого детства это проклятие мучило меня и лишало возможности жить, как все остальные люди. Чтобы всегда знать, как меня зовут, я в четырнадцать лет сделал на запястье татуировку с собственным именем.

До этого я годами носил в кармане белый картонный прямоугольник, на котором рукой матери заботливо было выведено «Том Колд».

В лицее для мальчиков, куда меня пристроили благовоспитанные родители, я не нашел себе ни друзей, ни теплого места. Все десять лет обучения меня не покидало неприятное чувство, что я здесь лишний и чужой, как инородное тело в воспаленном глазу.

Другие дети избегали меня, потому что я предпочитал проводить время за книгами в общей спальне или в одиночестве гулял в пустынном парке. В первый год после моего появления они едва ли не по несколько раз в день подбегали ко мне стайкой, спрашивали, как меня зовут, словно хотели со мной познакомиться и завести крепкую дружбу. Когда же я поспешно доставал из кармана потрепанных школьных брюк заветный клочок картона, они тут же с громким смехом бросались прочь, выкрикивая мне вслед, что я урод и растяпа.

Второй год в лицее прошел уже гораздо спокойнее. Дети устали от одной и той же однообразной шутки, поэтому больше не подтрунивали надо мной и не унижали, предпочитая вообще не обращать на меня никакого внимания. Я с удовольствием пользовался этим, чтобы притвориться несуществующей тенью, которую обыкновенно не замечают даже на групповых фотографиях. Мне нравилось чувствовать себя призраком...

Хватило несколько секунд, чтобы понять, что все похищенные дети были рождены в один день. В списке пропавших младенцев насчитывалось уже четыре мальчика, и все они родились в один и тот же день – четвертого ноября два года назад. Я невольно вздрогнул, а затем постарался отогнать прочь надвигающиеся мрачные мысли.

Могу поклясться всем, чем угодно, что я не слышал об этом нигде ранее и не читал в газетах. Власти не просто скрывали истинное количество похищенных детей, они умалчивали еще и о том, что между всеми ними была явная взаимосвязь. Но зачем это делать?

Я поднялся с дивана и подошел к груде сырых газет, сваленных в одну большую кучу прямо на полу. Нужная нашлась почти сразу, она лежала практически на самом верху промокшей бумажной стопки, под несколькими пожелтевшими журналами.

Я пробежался глазами по заметке о пропавших младенцах. Никаких упоминаний о том, что похищенных детей уже четверо. Ни одного слова о связанности этих исчезновений. Газета сухо твердила о том, что несколько детей пропали без вести, и полиция пытается отыскать их. Если такая статья попадет на глаза обыкновенному читателю, он не придаст ей особого значения, ведь все сводилось к тому, что дети просто пропали, а не были кем-то намеренно похищены.

Очень странно... Для чего необходимо умышленно скрывать такие важные факты и выставлять произошедшие преступления в совершенно ином свете?

3

В таверне «Синий бык» было непривычно тихо. Обычно в такую мерзкую погоду здесь собиралась толпа бродяг и местных пропойц, которые напивались до полусмерти и горланили басом матросские песни до самого рассвета.

Я впервые ощутил, что атмосфера в городе изменилась. Как будто над ним зависла тяжелая черная пелена, опускавшаяся все ниже и окутывающая все живое. Словно корабельные крысы, местные жители терзались тревожными предчувствиями, предпочитая прятаться в своих норах и не высовываться из них без острой необходимости.

Все это показалось мне нетипичным и зловещим. Я был уверен, что последние годы на улицах пустынно лишь потому, что все массово ринулись в теплые и радужные края, оставив свои заледеневшие лачуги. Вдобавок зарядил сезон ледяных ливней, а в эту пору горожане ютятся в своих домах, укрываясь в их недрах от сырости и ноябрьского холода. Поэтому я не придавал этому особого значения. Но я ошибался.

Погруженный в собственные мысли, я упустил то время, когда начались эти странные перемены. Я интуитивно ощутил, что они как-то были связаны с пропавшими младенцами, но пока не мог связать два явления воедино. Я слишком плохо знал этих людей, я не вел типичную городскую жизнь, я практически ни с кем не контактировал последние несколько лет и уж, тем более, не вел дружеских светских бесед. Поэтому нагнетающаяся над городом обстановка не коснулась меня самого, ведь я уже давно существовал где-то на задворках этой реальности, в своем обособленном мирке.

– Плесни мне чего-нибудь, что не стоит целое состояние.

Я бросил на шербату потемневшую стойку бара несколько тусклых монет. Усатый трактирщик молча сгреб их и сунул в большой карман своего перепачканного фартука. Спустя мгновение на деревянной стойке возник пузатый приземистый бокал, в котором приветливо искрилось темно-янтарное пойло.

– Что-то дела не слишком хорошо идут?

– Не то слово. Последние недели сюда никто не заходит, кроме старика Мегрисса и парочки зеленых матросов, – глухо ответил трактирщик.

«Синий бык» стоял почти у самого побережья. Неудивительно, что сюда чаще всего заглядывали моряки и капитаны суден, пришвартованных неподалеку в порту. Корабли мирно покачивались на волнах в ожидании своих нетрезвых хозяев, стыдливо пряча на ободренных боках таблички с именами.

В трактире царил какая-то печальная и удушливая атмосфера минувшего века, словно время здесь застыло, и прогресс не мог проникнуть сквозь дубовые ставни паба. В середине зала громоздились тяжелые столы из деревянного сруба, а вокруг них толкались такие же увесистые колченогие лавки. В центре каждой столешницы красовался потускневший латунный подсвечник и оплывшая белая свеча.

Когда попадаешь в места вроде этого, то невольно начинаешь предаваться тяжелым мыслям о скоротечности времени и о бессмысленности земного существования. Одним словом, прекрасный повод, чтобы напиться до полусмерти и забыться здесь до первых проблесков нового дня.

Позади трактирщика я заметил черно-белый снимок, висящий в большой раме между полками с пузатыми бутылками. На нем счастливый отец прижимал к себе кудрявого сына лет десяти, который добродушно демонстрировал фотографу полное отсутствие передних зубов. На заднем фоне снимка я разглядел те же деревянные столы и лавки, которые сейчас возвышались позади меня. Должно быть, это была памятная фотография – день, когда трактир только открылся. Тогда становилось понятным, отчего сюда не просочились никакие перемены извне. Возмужавший сын, которому «Синий бык» достался по наследству, решил почтить светлую память отца и оставил заведение в его первоизданном виде.

– Постоянные клиенты, похоже, мало пекутся о погоде и городских сплетнях, – заметил я.

– И слава Господу! Иначе я бы остался совсем без работы, – проворчал трактирщик.

Чтобы хоть чем-то занять себя, он натирал мягким лоскутом ткани пустые бокалы, которые и без того сияли чистотой и были отполированы до блеска. Его большие грубые ладони и запястья с вздувшимися венами, выступающими из-под подвернутых рукавов рубахи, выдавали в нем обыкновенного провинциального трудягу. У него было широкое скуластое лицо, крупный ровный нос с большими ноздрями и синие глаза с тяжелыми, нависшими верхними веками.

Я уже не единожды бывал в «Синем быке», но никогда здесь особо не расслаблялся, заглядывая лишь затем, чтобы согреться и укрыться на время от промозглого ветра или переждать вечернюю непогоду. Трактир работал с раннего вечера и до самого утра, и каждый раз, когда я сюда забредал, я наблюдал целое скопище самого престранного народа. В основ-

ном сюда приходили после тяжелого рабочего дня грузчики из портовых доков, разнорабочие из ближайших рыбных цехов, молодые матросы и просто местные работяги.

А вокруг них хищными стайками неизменно кружили стареющие профурсетки в надежде отобрать у мужиков последние деньги, заработанные кровавым потом. Но сегодня не видно было даже их.

– И давно «Синий бык» растерял своих завсегдатаев?

– Да уж как пару лет сюда день ото дня является все меньше народу, – ответил трудяга.

Ему надоело натирать стаканы и склянки, потому он стал вытаскивать с верхних полок припыленные бутылки, доставал из них пробки, принимался, словно пытаясь определить – не прокисло ли содержимое, а после пробовал несколько капель на вкус.

– Ты говорил, что некоторые все равно навещают сюда, как и прежде. Что они говорят о том, что происходит в городе?

– Да уж не знаю, – проворчал трактирщик, – для меня самого все это странно. Из Мегрисса и слова лишнего теперь не вытянуть, хотя раньше этот старый прохиндей болтал без умолку. Всех как будто мешком пыльным по голове огрели, весь город с катушек съехал.

Я понял, что он знает не больше моего. Как и я, он большую часть времени коротал в четырех стенах, аутично занимаясь своими делами и не вмешиваясь в жизнь посторонних. Потому для него непривычное городское затишье стало таким же зловещим сюрпризом, как и для меня самого.

– А что этот старик... Геррис? Или как его там величают, – я плавно начал подводить собеседника к интересующей меня теме. – Кто он вообще такой и чем занимается?

– Мегрисс? Да он уже лет тридцать, если не больше, рассекает по ближайшим островам на своем дряхлом судне, этим и живет.

Континентальное государство – огромное, бесконечное и уродливое, сформировавшееся еще десять веков назад. Оно поглотило все страны и территории на единственном материке планеты в попытке создать одну целую систему, которая все равно не увенчалась успехом.

Дальние страны Континентального государства загнивали в нищете и беззаконии, и лишь ближе к центральной части материка, где сосредоточилась власть Единого правительства, царил относительный порядок и покой.

Небольшие острова, разбросанные по всему ареолу материка – одинокие точки на карте мира, куда Единое правительство не смогло добраться своими заскорузлыми пальцами. На них ширились свои отдельные законы и устои, которые Континентальное государство всячески не одобряло. По этой причине никаких новостей с островных земель мы не получали, да и об их существовании не принято было упоминать вообще, словно власти вычеркнули эти зоны на своем глобусе.

Однако торговля с островами продолжалась. Просто потому, что этого избежать было нельзя, и Континент нуждался в экзотических растениях и редких продуктах. Благодаря этому получили постоянный доход и простые моряки – те, у кого были свои корабли. Они регулярно совершали плавания туда и обратно, обеспечивая взаимовыгодный обмен.

Естественно, чтобы обойти конкуренцию судоходных путей Континента, обыкновенным морякам приходилось сильно скидывать цены на продукты и лекарства, а потому и островные жители охотнее сотрудничали с ними, а не с законными представителями Единого правительства. По этой причине местных моряков Континентальное государство не слишком жаловало, стараясь найти любую лазейку, чтобы навсегда лишить капитанов их кораблей и возможности совершать эти окольные набеги на острова.

Но некоторые из них умудрялись десятилетиями проворачивать прибыльный бизнес, избегая посуды Континента и его беспощадной кары. В числе таких счастливиц был и старый капитан, о котором сейчас я хотел разузнать у хозяина таверны как можно больше.

– Отчего же он сейчас не плывет на своем корабле к берегам Сорха, ведь осенние поставки в самом разгаре?

Я мало что смыслил в судоходном деле, но чаще всего в середине сезона все, что могло плавать на поверхности волн, отправлялось на ближайший островок, где выращивались дорогостоящие лекарственные травы. К тому же у берегов Сорха водилась форель исполинских размеров – ее отгружали тоннами и привозили сюда, на материк, сбывая с рук в два раза дороже.

– Я и сам этим вопросом не раз задавался, – ответил трактирщик. – Обычно в это время он пропадает в море. Но с тех пор, как с месяц назад Мегрисс вернулся с острова, он намертво осел в трактире и его корабль дрейфует в порту с пустым брюхом.

– И он ничего не говорит на это счет, этот Гитрисс? – поинтересовался я.

– Мегрисс, – терпеливо поправил трактирщик.

– Ну да, я так и сказал.

Хозяин «Синего быка» бросил на меня снисходительный взгляд, решив, что я успел захмелеть с одного стакана. Я быстро достал из-под полы плаща свой блокнот и записал туда фамилию старика, пока трактирщик отхлебывал глоток из очередной бутылки, тихо причмокивая и разбирая послевкусию своего пойла.

– Он теперь молчит, словно ему язык отрезали, – наконец ответил он, закупорив бутылку и водворив ее на место.

Я с отрешенным видом вертел бокал в руках, время от времени постукивая доньшком о стертую столешницу бара. За ставнями «Синего быка» порывы ночного ветра завывали все громче, давая понять, что стихия только-только начинала входить во вкус. Хотя в углу таверны весело трещали поленья, и приветливо поблескивал огонь, сырая стужа все же нагло просачивалась внутрь сквозь дубовые стены.

– Как думаешь, зачем вообще люди являются в одно и то же место на протяжении многих лет?

Я оставил опустевший стакан и подался вперед, облокотившись обеими руками о прохладную деревянную поверхность, некогда щедро покрытую лаком. Со скучающим видом я рассматривал бутылки, которые трактирщик заботливо продолжал расставлять по местам.

– Я бывал здесь нечасто, но каждый раз видел одни и те же лица. Разве это не странно?

Трактирщик слушал меня, не поворачивая головы, все еще копошась где-то среди своих тяжелых полок. Кому, как не ему хранить в голове все сведения о здешних постояльцах? Если кто-то исправно напивается каждую ночь под крышей бара, то здесь его будут знать лучше, чем родная мать.

– Я стараюсь не вынюхивать ничего о других и не вдаваться в такие раздумья. Мой отец всегда говорил, что все горе в мире от людей, которые слишком много думают о смысле жизни, а не занимаются ей.

– Хочешь сказать, что человеческое счастье доступно лишь тем, кто примитивен?

– Может и так, – глухо ответил хозяин таверны, пожав широкими плечами. – В конце концов, любое темное чувство берется не из внешнего мира, а начинается из самого человека.

– Это очень интересная мысль. Налей-ка мне еще!

Я протянул ему пустой стакан. Пространные беседы с незнакомыми людьми всегда вгоняли меня в какую-то тихую тоску, но сегодня мне было необходимо выведать хоть что-нибудь об этом старике, загадочном капитане и завсегдатае «Синего быка».

Он – моя единственная зацепка и надежда распутать странные похищения. Если бы не это, я бы сидел сейчас молча, разглядывая трещины в деревянных стенах и пытаюсь раскладывать собственные мысли по местам, как книги в библиотеке.

Хозяин таверны вернул мне наполненный бокал, к которому я тут же прильнул. Это пойло было определенно ничуть не лучше того, которым я согревал свое сегодняшнее серое утро. Но я не видел особой нужды баловать себя дорогим виски, ведь я использовал горячи-

тельные напитки исключительно для того, чтобы лучше спать по ночам и не просыпаться, глядя в темный потолок и мучительно разгоняя прочь навязчивые мысли.

Каждый раз под утро неведомая сила внезапно вырывала меня из сонного оцепенения, и я по несколько часов неподвижно лежал в своей постели, наблюдая, как первые лучи расвета продираются сквозь пыльное окно. В этот момент я ощущал себя особенно одиноким, жалким и бессмысленным, и мне казалось, что сознание специально просыпалось для того, чтобы показать мне начало еще одного никчемного дня бессмысленной жизни.

– Если верить твоим словам, старик упорно работает и рассекает на своей посудине уже не первый десяток лет. Я знаю моряков – это народ трудолюбивый и не слишком озабоченный мыслительной деятельностью.

– Мегресс – случай особый, – возразил бармен. – Ему здорово промыли мозг еще в самом детстве. Забили несчастному человеку голову всякой набожной ерундой.

– Набожной ерундой?

– Его мать зарабатывала на жизнь тем же, чем и остальные здешние бабы. Сразу после появления младенца на свет, она оттащила его в приют, который стоял отсюда неподалеку. Спустя лет эдак пять-шесть местный священнослужитель набирал себе помощников и учеников среди сирот, там он и заприметил Мегресса. Мальчик был очень тихий, послушный, забитый и спокойный – одним словом, прекрасный слуга для Господа.

– И что же потом?

Трактирщик снова пожал плечами:

– Пробыл он там до совершеннолетия, поговаривают даже, что подавал большие надежды и был способным учеником. Но потом он просто взял, да и сбежал. Никто не знает – почему и зачем. Сперва попал на судно к каким-то разбойникам, где за еду драил их посудину и убирался на палубе. Скитался годами с ними по всему свету. А потом денег насобирал и на свое корыто, стал плавать от острова к острову, а после – снова сюда явился и осел уже здесь намертво.

– И что, семью он так и не завел?

– Какая там семья, – махнул рукой хозяин таверны. – От церкви он, может, и сбежал, да придурь в голове от нее осталась. Старик уверен, что его путь – отрешение, а как надерется, так начинает молиться и прощения просить у Господа... Цирк, да и только.

Внезапно откуда-то сбоку раздалось жалобное повизгивание входной двери, и внутрь паба с торжествующим ревом ворвалась ледяная сырость. Языки рыжего пламени в камине тут же испуганно задрожали и принялись причудливо изгибаться, словно огненные змеи. Я обернулся.

На пороге стоял огромный седой верзила. Он с крайне недовольным видом тряхнул своей длинной серебристой копной, и та сразу же спуталась с его намокшей бородой. Я понял, что это и был капитан – трактирщик бросил на меня многозначительный взгляд и тут же умолк.

Вот только стариком его можно было назвать с весьма условной натяжкой. Я привык к тому, что преклонные года ходили рука об руку с немощью, сутулостью и сухостью тела. Но передо мной на пороге «Синего быка» сейчас стоял настоящий титан, в каждом мускуле которого сохранилась недюжинная сила и сноровка. Его лицо выглядело суровым и неприветливым, хотя из-под сдвинутых темно-пепельных бровей мерцали живые серые глаза, которые тут же с пристальным вниманием изучили новую фигуру в пабе – меня.

На его фоне, должно быть, я казался сейчас еще более угловатым и комично тощим, со своими острыми костлявыми плечами, вырисовывающимися даже под плотной тканью плаща. В детстве я пережил немало насмешек еще и потому, что был слишком худым и нескладным. Наверное, поэтому я всегда немного завидовал людям, которых природа не обделила ни ростом, ни статью.

Гигант молча кивнул трактирщику в знак приветствия, рывком притворил за собой дверь, а затем уселся в углу зала, поближе к камину. Хозяин «Синего быка» тут же снял с верхней полки пузатую зеленую бутылку и заспешил с ней к своему постоянному и, уже который день, едва ли не единственному посетителю.

– Чудная сегодня ночью погода! – я душевно подмигнул старому моряку, но тот окатил меня угрюмым взглядом и отвернулся.

Он сразу же наполнил свой бокал и принялся с упоением к нему прикладываться. Я понял, что капитан – большой любитель закладывать за воротник, хотя по его внешнему виду этого нельзя было сказать. Должно быть, злоупотреблять спиртным он стал совсем недавно.

Не связано ли это с похищенными детьми и тем, что он знает? Насколько я уяснил из слов трактирщика, в детстве седовласый верзила отличался чрезмерной набожностью, а потому, скорее всего, ему не чужды были муки совести. Гигант явно что-то знал, и это подтачивало его изнутри и причиняло острые душевные терзания. Осталось лишь выяснить – что именно он скрывает. И почему?

Я снялся с места и с добродушной улыбкой направился к нему. Когда я опустился на лавку у его стола, он недобро покосился на меня, но ничего не стал говорить. Решил, что я – праздный шатающийся горожанин, которому было тоскливо в пустом баре. Что с меня взять? Такие люди, словно назойливые мухи, проще не заговаривать с ними вовсе и не обращать на них внимания, тогда они быстро умолкнут и разочарованно ретируются.

– Мы с тобой сегодня единственные, кто отважился выбраться из дома, – я снова весело ему подмигнул.

Капитан отпил из своего бокала, сделав большой шумный глоток, затем наполнил его доверху и с презрением повернул голову в другую сторону.

На его лице почти не было морщин, кожа казалась грубой и толстой, как будто поверхность рабочих сапог. Лишь у рта я заметил две глубокие борозды, которые прикрывали усы со свинцовым отливом. У него, как и у хозяина «Синего быка», был прямой и широкий нос, крупные черты и хорошо заметный невооруженным взглядом эдакий деревенский шарм. Несмотря на внушительные размеры и обманчиво грозный вид, капитан производил впечатление настоящего простака.

– Подумать страшно, каково сейчас этим похищенным мальчикам. Надеюсь, злодей держит их в теплом и укромном месте. Слышал об этих странных исчезновениях? В городе такое толкуют, что жуть берет!

Я заметил, как напряглись руки и плечи капитана. Он старался не выдавать волнения и оставаться равнодушным, но ему это плохо удавалось. Любой, заметив бешено пульсирующую на загорелой шее старика вену, понял бы, что мои слова сильно взволновали его.

– Так все странно складывается, что и не знаешь, что думать. Никто ничего не видел и не знает, дети словно в воду канули, – продолжал я. – Я слышал даже, будто одна из матерей исчезнувшего младенца наложила на себя руки...

Я придвинулся поближе к громиле и зашептал ему в самое ухо, бесстыже выдумывая душераздирающую историю на ходу:

– Представь только: она перерезала себе глотку! Говорят, кровь была повсюду, залила весь пол в спальне. Полицейским пришлось обувать сапоги, чтобы добраться до тела. И еще говорят, что она перед смертью прокляла того, кто украл ее мальчика...

Я не успел закончить вымышленный рассказ: капитан встрепенулся и внезапно с силой ударил кулаком по столу.

– Убирайся отсюда, – гневно просипел он.

– Я бы ушел. Вот только мне тут донесли, что ты замешан в этом небогоугодном деле, – я мельком глянул в свой раскрытый блокнот. – Так что, Мегрисс, ты пойдешь со мной. Тебя ждет болезненный допрос, а затем – виселица.

Я выудил из кармана украденный из кабинета Барри значок полицейского и сунул ему под нос. Капитан вскочил на ноги и испуганно вытаращил глаза:

– Что за бред? Я не имею к этому никакого отношения! И в городе уже давно не вешают преступников...

– Тебе повезло, Мегрисс, потому как сам губернатор издал указ: дело сложное, темное, а потому всех подозреваемых, кто не оказывает помощь следствию, вешать без суда. Давай, пойдем...

– Я никуда не пойду!

Мужчина встал во весь рост и распрямил плечи. Его лицо одновременно искажал животный страх и гнев. Я послушно кивнул головой и опустился на лавку, закинув ногу на ногу. Все это время хозяин «Синего быка» с приоткрытым ртом наблюдал за нами, замерев с чистым бокалом и тряпкой в руке.

– Можешь не идти.

– Могу?..

Капитан выглядел растерянным. Он опустил кулаки и теперь с непониманием глядел на меня, хлопая глазами.

– Конечно. Думаешь, мне это нужно? Мне платят слишком мало, чтобы рисковать своей шкурой и тащить в участок буйного нетрезвого моряка. Я просто скажу всем этим убитым горем матерям и отцам, кто именно стоит за похищением их детей. И они уж сами решат, что с тобой делать. Я даже думаю, что так будет гораздо лучше.

– Я ни в чем не виноват, ты не можешь так поступить, они растерзают меня, как медведя! Я не совершал ничего дурного!

Капитан неуверенно топтался на одном месте, бряцая пряжками на своих огромных ботинках и не зная, что ему предпринять. Я же продолжал вальяжно сидеть на лавке, спокойно наблюдая за ним снизу вверх.

– Вот они с тобой и разберутся, и выяснят – виноват ты или нет. Я знаю, что ты лжешь. И ты сам это знаешь.

– Я не делал ничего дурного...

– Иногда скрывать факты – это еще хуже, чем совершать злые поступки. Разве тебя этому не учили?

Он вдруг устало опустился на соседнюю лавку, рухнув на нее огромной живой кучей. Прикрыл лицо дрожащими руками и, судя по всему, постарался собраться с мыслями. Но волнение и несколько чарок спиртного не давали ему это сделать.

– Я просто выполнял свою работу... Я делал работу, это все!

– Какую работу?

Он убрал руки от лица и потянулся за бокалом. В его глазах сквозил какой-то животный ужас, и мне подумалось на секунду, что знать то, что он сейчас мне расскажет – не такая уж завидная участь.

Капитан одним глотком осушил свой стакан, сложил огромные трясущиеся ладони на коленях и сделал судорожный сдавленный вдох.

– Мария... моя Мария проклята...

– Что ты несешь? Кто такая Мария?

– Мой корабль, «Тихая Мария».

– Это на нем ты ходил в последний раз, после чего оставил доходное дело?

Он кивнул и умолк. Я сделал нетерпеливый приглашающий жест, давая ему понять, что у меня нет времени на то, чтобы играть в молчанку. Капитан нехотя продолжал:

– Мне заплатили, чтобы отвезти на остров несколько больших ящиков. Я не помню, сколько их было... Четыре, может, пять...

– Продолжай.

– Я погрузил их на борт «Тихой Марии» и спешно отчалил, как и обычно, чтобы успеть обойти суда Континента. Но... потом началась какая-то чертовщина.

Он внезапно осекся и стал креститься, что-то бормоча под нос. Его большие жилистые руки лихорадочно взметались вверх и вниз, выводя религиозные знаки. Мне пришлось громко окрикнуть его, чтобы привести в себя:

– У меня нет времени на твои суеверия, старик. Каждая минута на счету, если дети еще живы.

Он испуганно закивал, несколько раз тяжело сглотнул, словно в горле у него застрял большой ком. Сейчас он выглядел совершенно несчастным, испуганным и подавленным. Но его чувства в данный момент волновали меня меньше всего.

– Ночью мне показалось, что я слышу странные звуки откуда-то сверху. Я вышел из своей каюты и обошел весь корабль. На пути мне попался мальчик-юнга, его также разбудили эти звуки. Мы стояли на палубе, около тех больших ящиков, когда вновь услышали это...

Капитан внезапно побледнел, а затем стал прерывисто дышать, словно собирался упасть с сердечным приступом или помереть прямо на месте. Я быстро сунул ему в заскорузлую холодную ладонь бокал с виски, чтобы привести его в чувство. Он благодарно отпил несколько глотков и, кажется, ему немного даже полегчало.

– Что вы слышали?

– Я не знаю, это... Это кажется каким-то бредом. Я не уверен, я...

– Что вы услышали? – повторил я настойчивее.

– Это... это был как будто детский плач. Много детей тихо плакали... А потом их плач внезапно затих.

Он вновь с остервенением принялся креститься, а его глаза едва ли не вылезли из орбит. Он смотрел в пустоту перед собой, словно заново переживая этот момент. Его колотила мелкая дрожь.

– Вы распечатали ящики? Что было дальше? – поторопил я его.

Старый капитан посмотрел на меня как на безумного. Его лоб взмок, седые пряди прилипли к коже, ноздри жадно раздувались, как будто ему не хватало воздуха.

– Остаток пути мы держались подальше от груза... В порту ящики забрали, едва мы успели причалить.

– Кто тебе заплатил за перевоз ящиков? И кто их принял на острове?

– Я... я не знаю! Мы никогда не спрашиваем имен, нам платят – мы молча делаем свою работу.

– Ты даже не смотрел документы того, кто грузил на твою посудину груз? Не спросил, что внутри?

Капитан покачал головой. Он окатил меня снисходительным взглядом, словно разговаривал с деревенским дураком или маленьким ребенком, который несет откровенную чепуху.

– Если мы начнем спрашивать, что мы грузим на борт, и смотреть документы тех, кто к нам приходит, то нам нечего будет возить. Все знают, что будет с теми, кого поймают Единое правительство. Люди хотят обезопасить себя: если даже судно попадает в лапы Континента, то и под пытками капитан не сможет рассказать, чей груз он вез и для каких целей. Потому что сам этого не знает.

– А лица? Ты хотя бы запомнил того, кто пришел к тебе на судно, чтобы заключить сделку?

– Нет, я не помню его лица. Шел ливень, он был под зонтом, да и встреча заняла не больше пары минут. Он сунул мне деньги и сказал, что к вечеру подвезут несколько контейнеров, их нужно отвезти на Сорха... И все.

Я разочарованно глядел на верзилу-капитана. Ни лиц, ни имен... От его истеричного рассказа толку было ничтожно мало. Он понятия не имел, что он вез, зачем и кому. Да и сама история казалась откровенно абсурдной.

Если бы капитан и правда перевозил контейнеры с похищенными детьми, то они бы голосили там день и ночь, очень малоубедительно, что младенцы могли покричать один раз, а затем заткнуться и сидеть тихо весь остаток пути. Детей у меня никогда не было, но я знал, что они не смогут даже и часа просидеть беззвучно в заколоченном наглухо ящике. Больше похоже на то, что он просто окончательно спятил, и ему все это померещилось в хмельном угаре.

– После этого ты не выходил в море?

– Нет, моя команда оставила судно... – он внезапно замаялся и странно покосился на меня, словно раздумывал: говорить мне это или нет. – На обратном пути «Тихая Мария» шла уже без груза, я не стал брать товар на борт и предпочел убраться с острова как можно скорее... Но ночью... Ночью меня снова разбудили эти звуки... Я отчетливо слышал, как где-то на палубе плакал ребенок... Примерно там, где раньше стояли ящики.

Капитан снова неистово стал креститься, бледнея и бормоча что-то вполголоса. Я хмуро наблюдал за ним, отчетливо понимая, что все еще только больше запуталось. Теперь эти преступления казались мне по-настоящему темными и странными, и я не представлял, откуда мне начинать докапываться до истины и с какого бока подойти к делу. Все это выглядело весьма зловеще.

– Проклятая «Мария»... Проклятая... – тихо бормотал седой капитан, а его плечи мелко подрагивали.

На обратном пути, несмотря на поздний час, я заглянул к старухе, чтобы сообщить о том, что у меня появились кое-какие, пока еще не подтвержденные, но все-таки подозрения. Однако дверь мне не открыли – унылое приземистое здание встретило меня темными окнами.

Где она шаталась в такой час и в такую погоду – известно лишь небесам, но я решил не тратить времени даром и не подставлять свое лицо сырому ветру, потому сунул под дверную щель записку и побрел домой.

Глава 2. «Тихая Мария»

«...Отец часто твердит, что я слишком много думаю для своего возраста. Мне кажется, он расстроен тем, что у меня совсем нет друзей. Он никогда не сумеет понять, что некоторые люди обречены на вечное одиночество. И даже если рядом окажется сотня человек, я все равно останусь одинокой...»

Из дневника Г. М.

1

Барри стоял посреди моей тускло освещенной гостиной и брезгливо озирался по сторонам. Я встретил его у своей двери, где он терпеливо топтался, дожидаясь моего возвращения. Сейчас же я не спеша отправлял в старый дорожный чемодан свои весьма скромные пожитки: несколько свежих рубашек, пару носков, чистое белье, бритвенный станок и зубную щетку.

Я всегда придерживался мнения, что человеку для жизни нужно совсем мало – лишь то, чем он действительно пользуется, а все остальное я безжалостно отправлял в мусор. Кроме, пожалуй, книг и газет. Они у меня хранились годами.

Однако моя философия не находила отклика в душе Барри, ведь он полагал, что жизнь у мужчины состоялась лишь тогда, когда дом доверху забит мебелью, горшками с цветами и бестолковыми побрякушками, а шкаф ломится от ненужного барахла. Он ненавидел мой практичный минимализм и каждый раз принимался учить меня тому, как необходимо вести быт.

– У тебя никогда не будет женщины, Том! Посмотри на свою квартиру – это же просто ночной кошмар любого психически здорового человека. Купи себе, наконец, хоть какую-то мебель! – говорил он обычно, с грустью глядя на мой древний диван.

Теперь он наблюдал за мной, держа в руке подшивку с делами о пропавших младенцах. Он зашел за бумагами еще минут двадцать назад, но никак не мог убраться восвояси, допытываясь о том, куда я собрался, и к чему такая спешка.

– Что ты узнал, Том? – в который раз спросил инспектор, глядя на меня своими наивными глазами.

– Не могу сказать, Барри. Ты ведь тоже со мной не поделился ничем сверх того, что указано в этом бесполезном барахле, – я кивнул на подшивку, зажатую в его ладони.

– Меня зовут Гарри! И я уже говорил тебе, что сам мало что знаю, Том. Мне нечем с тобой поделиться.

– Тогда и мне нечего тебе ответить.

Я заботливо уложил поверх стопки носки и удовлетворенно захлопнул чемодан. До рассвета оставалось еще семь часов, и именно с первыми лучами нового дня «Тихая Мария» собиралась отчалить из гавани. Мне больше ничего не оставалось, кроме как проследовать по ее последнему злополучному маршруту, ведь здесь у меня не было никаких зацепок. Седой верзила-капитан не смог вспомнить ничего, что мне могло бы показаться полезным или указать на тропинку, выведшую к кому-либо из тех, кто замешан в похищениях.

– Скажи хотя бы, куда ты собрался. Твоя сестра волнуется. Ей кажется, что ты ввязался туда, куда не следует. И я тоже так считаю, – он внезапно понизил голос. – Лучше бы тебе остаться здесь и побережь себя. Как делаем сейчас мы все...

– Побережь от чего, Барри? А кто станет искать ворох украденных младенцев? Или ты со своими друзьями из участка уже списал их в утиль и упаковал дело в архив?

– Прекрати говорить глупости! Ты суешься туда, о чем не имеешь ни малейшего понятия, – взвизгнул толстяк. – Мы сами не до конца представляем, что происходит... Поэтому сохраняем осторожность и стараемся не пугать людей, они и так не на шутку встревожены!

– Да уж, как не встревожиться, когда в городе дети пропадают как сквозь воду, а полицейские сидят в креслах и поедают пончики.

Я недвусмысленно покосился на его округлый живот, выпирающий из-под теплого пальто, и Барри тут же смущенно зарделся.

– Просто скажи, куда ты уезжаешь. Я должен сообщить Лизе, – проворчал он, все еще безуспешно пытаясь завернуть в полы верхней одежды свое необъятное брюхо.

– Я отправляюсь на остров Сорха. Это все, что тебе следует знать.

В свете покосившегося торшера его лицо казалось еще более одутловатым и полным. Он все топтался посреди комнаты, словно не знал, что ему делать дальше. Я же поставил чемодан у входной двери и уселся на диван перед окном, наблюдая за тем, как в бликах тусклых фонарей скрежещут голые мокрые ветви.

У меня было гнетущее, совершенно неприятное и даже омерзительное ощущение внутри. Это было похоже на тревогу или предчувствие чего-то недоброго, того, что невозможно преодолеть. Меня это повергало в странное состояние полного бессилия и тупой отрешенности. Словно я стоял на берегу, а вдалеке терпел крушение корабль с пассажирами, которые тонули и кричали, ожидая помощи, но я не мог ничего поделать. И продолжал лишь безмолвно стоять и наблюдать.

– Знаешь, – Барри внезапно подал голос, – мы хотели тебя пригласить на ужин. Немного развеяться, да и Лиза по тебе сильно тоскует. Увидел бы нашего сына...

– Ты же прекрасно понимаешь, что я не приду.

Он громко вздохнул и понуро опустил плечи. Мне даже показалось, что настоящей причиной его визита было именно это приглашение, а не справедливое желание забрать назад украденную подшивку с делами.

– К нам собирается прийти на ужин и подруга Лизы. Она достаточно хорошая женщина... Порядочная, скромная, и мне кажется, что...

– Ты что, серьезно? – не скрывая досады, спросил я.

– Лиза попросила меня... – он смущенно улыбнулся и развел руками в стороны.

– Передай ей, что если я захочу испортить свою жизнь, как это уже сделала она, то вполне смогу самостоятельно подыскать себе пассию с лишним весом и проплешиной на голове.

– Какая же ты свинья, Том!

Барри обиженно отвернулся и засеменил к выходу. Через минуту раздался громкий хлопок двери, и я остался наедине с самим собой, утопая в продавленном диване.

В гостиной было холодно – уличный студёный ветер завывал в оконных щелях, заглядывая внутрь моего безжизненного обиталища. Сегодня не было слышно ни привычных монотонных разговоров соседей снизу, ни старинной музыки, ни даже бубнящего телевизора. Это показалось мне еще более зловещим...

Всю ночь меня изводили кошмары. Мне грезилось, что я стою у скользкой черной ямы, из недр которой слышится жалобный детский плач. Позади моей спины хрипло дышал опечаленный верзила-капитан, умоляя спуститься в непроглядный морок и спасти младенцев.

– Там так темно и сыро, им страшно! Пожалуйста, быстрее! – торопил он меня и часто крестился.

Мне упорно не хотелось спускаться. Я чувствовал, как ужас сковывает мое тело и понимал, что внизу мне придется столкнуться с настоящим кошмаром. Но капитан был настойчив и подталкивал меня сзади, потрясая своими длинными волосами.

Откуда-то взялась веревка, я обхватил ее и стал спускаться вниз. Яма была глубокой, казалось – у нее нет конца. Но все же я смог добраться до ее дна и ступил на твердую землю. Как только я оказался внизу, младенцы разом затихли, и их жалобный плач оборвался.

Капитан сверху продолжал меня торопить, крестился все усерднее и хватался за сердце. Я шел почти в полной темноте, на ощупь, исследуя руками холодные и сырые стены ямы. Вязкий влажный мрак обступил меня со всех сторон. Наконец я нащупал небольшую щель и юркнул в нее. Причитания старого моряка сверху стали гораздо приглушеннее. Я шел и шел вперед, и вдруг осознал, что нахожусь в каком-то удушливом и холодном гроте.

Внутри сильно пахло плесенью, сырой землей и спертым воздухом. Впереди в бледном голубоватом свечении я заметил детей. Они все мирно лежали на спине вокруг большого белого камня, словно спали. Я видел, что на их телах не было ни ран, ни следов пыток, только волосы у них были грязные, свалявшиеся.

На выбеленных лицах почему-то играла счастливая полуулыбка, как будто они видели прекрасные, волшебные сны. Я подошел к младенцу, лежавшему ближе всех остальных, и осторожно коснулся его руки. Она была холодной, словно лед, и такой же твердой. Детские тела напрочь окоченели, лежа на дне подземелья. Но почему они выглядели такими умиротворенными?

Внезапно я снова услышал детский плач. Грот наполнился звуками детских криков, и они становились все сильнее и громче, словно отскакивали от сырых стен и усиливались ими во сто крат. Я зажал уши ладонями, но это не помогало – вопли младенцев проникали даже сквозь мою кожу. Я почувствовал, как лопнула одна моя барабанная перепонка, а затем – и вторая.

И тут я ощутил, что позади меня кто-то стоит. Пытаясь зажать ушные раковины как можно плотнее, я обернулся и увидел ее. Она глядела сквозь меня и повторяла одну и ту же фразу, не открывая рта. Но ее тихий шепот навязчиво шелестел внутри моей раскалывающейся головы снова и снова:

– Мальчик в воде. Мальчик в воде, Том.

Боль была нестерпимой, вокруг все закружилось в темно-багровом вихре, я обхватил голову руками, упал на сырую обледенелую землю и... проснулся.

Под своды спальни уже успели проникнуть первые ущербные лучи мутного солнца. Я тяжело дышал и чувствовал, как оглушительно колотилось за ребрами сердце. Мне казалось, что я все еще ощущаю боль, а внутри ушных перепонек стоят истошные детские вопли.

Подушка и простынь подо мной вымокли от пота. Я скинул с себя одеяло и встал с постели. До отплытия «Тихой Марии» оставался еще час – я должен был привести себя в порядок и принять прохладный душ, чтобы развеять остатки дурного сновидения.

Затем я вышел в гостиную вскипятить себе бодрящего кофе перед долгой дорогой и вдруг понял, что на моем диване кто-то сидит. Утреннего света все еще было слишком мало, и я не мог разглядеть незваного гостя. Сперва я подумал, что это Барри вернулся, чтобы дожидаться, когда я проснусь и начать снова меня отговаривать от предстоящего странствия. Но фигура была слишком сухая и жалкая, совсем не похожая на толстого инспектора.

– Кто здесь? – я стоял посреди гостиной в одном белье, все еще силясь рассмотреть странный силуэт.

– Вы... Вы говорили, что найдете моего мальчика...

Голос старухи был странно шипящим, как будто у нее разом выпали все зубы. Она поднялась на ноги. Я с трудом различил в полутьме, что она странно одета для такой погоды – на ней не было верхней одежды, лишь какие-то бесформенные лохмотья.

– Я именно этим и собираюсь сейчас заняться, я оставлял вам записку... Как вы сюда попали?

– Вы говорили, что найдете... – со странным свистом выдохнула старуха.

Я сделал шаг ей навстречу, и тусклый утренний свет выхватил ее искореженное лицо. Одежда на ней была окровавленной и изодранной, а на коже повсюду виднелись глубокие рваные порезы. Ее рот искажился из-за разорванной нижней губы, несколько передних зубов отсутствовали.

– Господи, что с вами произошло?

Я ринулся к ней, чтобы поймать ее падающее обессиленное тело. Она оказалась легче, чем я думал – я без труда взял ее на руки и уложил на диван, а затем быстро осмотрел ранения.

Хотя я был ужасно далек от принципов медицины, но сразу понял, что несчастная неизбежно умрет. Помимо бесконечных ссадин и глубоких рваных ран, у нее на шее зияло несколько округлых проколов, из которых тонкой струйкой стекала кровь. На полу у дивана уже успела собраться целая темно-алая лужица – очевидно, израненная старуха сидела здесь уже давно.

– Что случилось?!

Женщина тяжело сопела, стараясь не задохнуться. Ее тощие сухие руки напоминали тонкие ветви дерева. Я не сразу заметил, что у нее они сломаны в запястьях.

– Кто это сделал с вами? Вы можете говорить?

– Мальчик... мой мальчик... – просипела старуха.

Крупные капли крови стекали по ее загорелой коже отовсюду, и я не знал, как ей помочь, потому что все ее тело было искорежено. Я лишь беспомощно стоял над диваном и старался узнать у нее имя того, кто совершил это. Но женщина уже была наполовину мертва: замутненными глазами она таращилась в потолок, словно перед ее взором происходила другая картина, спрятанная от моих глаз. Спустя мгновение она тихо выдохнула, и ее тело обмякло.

Я лихорадочно соображал, что мне теперь делать, и какая участь меня ждет, когда в моей квартире обнаружат это изувеченное тело. Как объяснить его появление? Никто не поверит, что израненная старуха смогла пробраться внутрь моего жилища и смиренно сидела на диване, истекая кровью, пока я спал. Размышляя над этим и пытаюсь унять нервную дрожь, я бросил взгляд в окно. За пеленой свинцовых туч солнце успело подняться над сумрачным сырým городом, а в порту меня уже наверняка ждала «Тихая Мария».

Мне нужно было отправляться в путь, теперь другого выхода у меня просто не оставалось. Если я не сяду на корабль и стану дотошно объяснять в участке то, что сейчас произошло, то последние надежды распутать этот черный клубок и найти детей просто растворятся в воздухе. Я никогда не доберусь до истины, даже если меня отпустят и поверят мне на слово. Я потеряю драгоценное время, и все будет кончено.

Я посмотрел на мертвую старуху. Ее ссохшееся худое лицо казалось пепельно-белым, в волосах я заметил комья грязи, от ее одежды остались одни изодранные окровавленные полосы. Сейчас, при свете нового дня, я сразу понял, что ей нанесли ранения каким-то длинным и острым предметом. Возможно, это было копьё или нечто подобное: круглые глубокие отверстия переходили в длинные порезы с неровными краями. Меня смутили переломы на ее руках. Словно кто-то приковал ее, и она старалась вырваться, из последних сил дергая руками и выворачивая собственные кости.

Я метнулся в спальню, быстро надел брюки, рубашку и обулся, затем накинул на плечи плащ в гостиной и схватил лежащий у двери чемодан. Машинально заметил, что дверь была закрыта на ключ и защелку – снаружи ее никто не отворял. Тогда как старуха попала ко мне в квартиру? Но на эти размышления у меня сейчас не оставалось ни минуты, а потому я как можно тише захлопнул за собой дверь и слетел вниз по ступеням, выбежал на улицу под резкие порывы ноябрьского ветра и стремительно ринулся к причалу.

– Святые небеса, да на тебе лица нет! – воскликнул капитан «Тихой Марии», когда я взлетел на борт его посудины.

– Отчаливай, мы и так потеряли много времени.

Я быстро огляделся по сторонам. На палубе его потрепанного корабля не было никого, кроме нас. «Тихая Мария» оказалась меньше, чем я думал, – от форштевня до кормы в ней насчитывалось не больше пятнадцати футов.

От намокших потемневших досок настила ввысь тянулись голые мачты – хитрая уловка здешних контрабандистов. Опытные мореплаватели делали все возможное, чтобы их посудины ничем не отличались от древних рыболовных шхун, коими зачастую кишели берега. Однако внутри у кораблей имелась необычная начинка – они работали на сжатом газе, а потому ходили очень быстро.

– А где команда? – поинтересовался я, когда смог отдышаться.

– Никто не поплывет. Только юнга вызвался помочь, остальные спрятались по своим халупам.

Едва громила-капитан закончил фразу, как откуда-то внезапно вынырнул светловолосый тощий мальчик, словно только этого и ждал. Его рот растянулся в дружелюбной улыбке, а затем он попытался отвесить неуклюжий поклон. Одет он был очень бедно, выстиранные плотные серые брючины оголяли костлявые щиколотки. На его ногах красовались ботинки из темной коричневой кожи, которые явно были ему не по размеру. Вздернутый тонкий нос юнга щедро усыпали рыжие веснушки. На вид ему было не больше тринадцати.

– Где ты его откопал?

– Он воровал еду из столовой для рабочих в порту, – махнул рукой старый моряк. – Мне его стало жаль, так что я подобрал мальчика и теперь он живет на корабле.

– Как трогательно.

Юнга тут же подбежал ко мне, шлепая своими огромными ботинками, и протянул художочную ручонку, чтобы забрать мой старый чемодан:

– Меня зовут... – начал было он.

– Это не имеет значения, – оборвал я мальчишку, а затем повернулся к капитану – Ты говорил вчера, что мы сможем добраться до Сорха всего за сутки, если пойдем торговыми путями Континента?

– Да, но это очень плохая затея. Сейчас сезон осенних поставок, море будет кишеть их посудинами. Если нас поймают, то я навсегда лишусь «Тихой Марии», а мы все угодим за решетку. И это если нам еще очень повезет, и нас не убьют прямо на месте, как контрабандистов.

– Ну, это нам не грозит, – спокойно возразил я. – Ведь твое корыто пустое, так что они не найдут здесь ничего, кроме нас троих. А ходить торговыми путями законопослушным гражданам не запрещается.

Капитан хмыкнул. Вряд ли он верил в то, что торговыми путями Континента свободно могут ходить простые смертные, но спорить со мной не стал.

Сумрачное утро уже полностью захватило город, хотя сейчас в порту было необычайно тихо и безлюдно: не доносилось с берега вскриков и привычной ругани матросов, а пришвартованные рядом с «Тихой Марией» судна зияли голыми палубами. Откуда-то из недр города напелз вязкий густой туман, словно он старался угнаться за мной и заключить в свои сырые объятия.

Я подал громиле-старика нетерпеливый знак рукой, и тот, грузно развернувшись, послушно исчез из виду. Мальчишка с веснушчатым носом засеменял за ним следом. Вскоре под моими ногами с низким ревом прокатилась невидимая волна, а затем корабль сдвинулся с места.

Я стоял на корме отплывающей посудыны, наблюдая за тем, как пристань и верхушки пустых кораблей погружаются в туманную пелену. Обыкновенно растворяющегося вдаль городского пейзажа за этой непроглядной серостью рассмотреть было нельзя, густой осенний морок проглотил его целиком.

Сейчас где-то там, вдаль на окраине города, в моей убогой квартирке на чердаке лежал коченеющий труп несчастной старухи. Кто сотворил с ней такое зверство? И, главное, зачем? После ее смерти у меня не осталось иных путей, кроме как распутать зловещий ком, в котором помимо воли оказался замешан и я сам.

Нет, я не боялся загреметь за решетку – там я бывал, и даже не единожды. Меня беспокоило другое: казалось, словно кто-то жаждал убрать меня с дороги, связав по рукам и ногам, лишив возможности заниматься этими таинственными похищениями. Другого внятного объяснения тому, что произошло в моем жилище на рассвете, я не находил.

– Так что стряслось? – неожиданно прогремел над моей головой голос седого капитана, отчего я невольно вздрогнул.

– Не думаю, что тебе стоит об этом знать, старик.

Он сдвинул свои хищные свинцово-серые брови и неодобрительно поглядел на меня. Вряд ли ему нравилось подобное обращение, но я не привык театрально фамильярничать с людьми, да и этот старый моряк не вызывал желания отвешивать почтительные поклоны. Он же молча сносил любые мои колкости и пренебрежительные обращения, делая вид, что просто не услышал их.

– Ты попросил меня помочь...

– Я не просил тебя, – оборвал я его. – У тебя не было выбора. Ты стал соучастником преступления – по своей ли воле или же нет, это уже совершенно не важно. И в твоих интересах все исправить и помочь мне выйти на след похитителя. Я думаю, не стоит тебе напоминать, что будет с твоей душой после кончины, если на твоих грубых руках окажется невинная детская кровь. О солнечной лужайке и диковинных зверушках в райском саду ты можешь навсегда забыть.

Капитан поежился. Еще вчера в таверне, беседуя с ним, я понял, что моряка загробная жизнь волновала гораздо сильнее, нежели реальная. Он не на шутку пугался каждый раз, когда я открыто намекал ему на то, что он совершил крайне небогоугодный проступок, а потому ближе к концу нашей беседы капитан самолично вызвался помочь и доставить меня на злополучный остров.

Под воздействием нескольких чарок хмельного напитка он распался все больше, то тихо бубня себе под нос молитвы за спасение душ украденных младенцев, то выпрашивая у Господа милости и прощения для себя самого.

– Твоя каюта располагается сразу за моей. Мальчишка уже отнес туда твой чемодан.

Он отвернулся и тяжело зашлепал по палубе своими огромными ботинками. Я решил больше не оставаться снаружи, потому что начал чувствовать, как через рукава и ворот плаща к моей коже подбирается неприятная морская сырость. «Тихая Мария» мирно покачивалась на волнах, раз за разом погружаясь носом в водную гладь. Туман остался позади, и теперь вокруг дряхлой посудыны виднелись только бесконечные темные волны.

3

В моей каюте было тесно, но вполне уютно. Стены здесь оказались отделаны мелкими светлыми дощечками, которые выстраивались в длинные продольные полосы. С одной стороны помещения стояла низкая деревянная койка, прибитая ножками к дощатому полу, а с другой – небольшой стол и табурет. Должно быть, здесь раньше отдыхал помощник капитана или боцман. Но теперь «Тихая Мария» лишилась своей команды, и мне отвели лучшую каюту.

Я не стал раздеваться, лишь затолкал чемодан ногой под койку, а затем опустился на табурет, устало положив локти на столешницу из светлого дерева. Меня не покидало гнетущее ощущение, словно весь мир вокруг сейчас водил меня за нос. Стоило мне только обернуться, чтобы поймать обманщиков с поличным, как все тут же принимали отстраненный вид и занимались привычными делами, а когда я снова отворачивался, за моей спиной опять начинала выстраиваться вереница, облаченная в черные мантии. Я гнал от себя эти навязчивые мысли прочь, списывая их на усталость, отсутствие сна и невроз.

Затем я воскресил в своей голове образ растерзанной старухи. Я в точности помнил ее ранения и рваную кожу, которая висела лохмотьями вместе с тем, что осталось от ее облачения. Я подумал, что такие удары мог бы нанести острый железный крюк. В том месте, где его острие впивалось в кожу, рана была бы самой глубокой и аккуратной, но если с усилием протянуть крюк вниз, то от него бы кожа натягивалась и разрывалась, оставляя неровные края.

Я постарался сформировать из этого единую картину у себя в голове: допустим, женщину кто-то схватил и решил пытать или держать в неволе, сначала ей связали руки, а затем подвесили на острые крюки. Несколько крюков вошли в ее горло, другие удерживали за руки и ноги. Каким-то чудом старухе удалось выбраться, несмотря на ужасную боль, она могла соскользнуть с крюков, отчего ее кожа разорвалась в некоторых местах почти до костей. Затем она попыталась освободиться от ремней, оков или веревки на своих запястьях, но у нее это не получилось, а потому она просто сломала себе кости. Но как она смогла после этого добрести до моего дома? Как попала внутрь квартиры?..

– Томас Колд, капитан Мегрисс зовет вас ужинать.

Голос мальчишки за дверью резко вырвал меня из всех домыслов и раздумий, и я снова непроизвольно вздрогнул. Поднял голову и с удивлением обнаружил, что за мутным круглым окном каюты уже мерцают бледные звезды. Я снова впал в привычную прострацию, в которой провел почти весь день. Где-то в недрах живота жадно урчал желудок, а во рту пересохло из-за того, что я с прошлой ночи ничего не пил. Сейчас мне действительно не помешало бы подкрепиться и выпить горячего чаю с медом или глинтвейна.

Я поднялся на ноги, выпрямил спину и подвигал плечами. От долгого нахождения в одной позе мою шею свела неприятная судорога. Я еще немного повертел руками в разные стороны, из-за чего полы моего плаща заметались в разные стороны, будто встревоженные птицы. Затем шагнул к двери и распахнул ее. Юнга с той же улыбкой глядел на меня снизу вверх, радушно оголяя все свои зубы.

– Обычно мы едим в кубрике или прямо в камбузе, но теперь кроме меня и капитана Мегрисса никого не осталось, потому он зовет вас к себе в каюту, – затараторил мальчик. – К слову, кока у нас тоже больше нет, так что готовит еду сам капитан. А готовить он не умеет, в чем сам признается. Он просил вас предупредить, чтобы вы не ждали деликатесов и ресторанных угощений.

До апартаментов капитана было рукой подать – дверь в его каюту начиналась в паре метров от моей собственной. Сейчас она была распахнута, а изнутри уже доносилось бряцанье вилок и тарелок. Я вошел внутрь. Это помещение было раза в два больше того, которое отвели мне, так что в центре капитанской каюты смог разместиться даже небольшой обеденный стол. В рабочее время верзила-морьяк явно использовал его для того, чтобы раскладывать карты и чертить маршруты, о чем можно было догадаться по испещренной грифелем столешнице.

Сейчас на ней красовались три пустые тарелки, несколько графинов с напитками и большое блюдо с чем-то странным и непонятным. Оно дымилось и издавало диковинный аромат. Старый морьяк уже уселся за стол и ждал нас. С потолка каюты свисал небольшой светильник, а еще один, но поменьше, сверкал желтым сиянием со стены над койкой.

– Угощение у нас скудное, потому будем есть то, чем Бог одарил.

– Не уверен, что сам Господь догадывается, что это такое.

Я уселся на табурет и заглянул в дымящееся блюдо. Чего там только не было: куски мяса, извалянные в каких только можно вообразить специях и травах, дольки картофеля, огромные кольца лука и моркови, и даже вареные яйца. Фантазии капитану в кулинарном мастерстве явно было не занимать.

– Мое дело не команду кормить, а присматривать за кораблем, – с раздражением ответил старик. – Потому советую тебе проявить хотя бы немного уважения ко мне и моим стараниям.

– Что ж, – не стал спорить я. – Здесь есть все, чтобы доверху набить брюхо и не умереть от голодной смерти. Да и, признать, в таверне «Синий бык» угощения подают не лучше.

Мальчишка тем временем уже облюбовал самый большой кусок мяса, утащил его из общего блюда в свою тарелку и с огромным аппетитом уплетал за обе щеки, быстро разжевывая мелкими зубами. Пока я выбирал, что именно из сварганенной капитаном солянки можно было бы съесть без опасений, юнга уже расправился со своим ужином и принялся за горячий чай.

– Теперь «Тихая Мария» совсем не та, что раньше, – вдруг подал он голос.

Я старался разжевать тугой кусок мяса, но это выходило с огромным трудом. Тогда я отложил его в сторону и взял себе немного овощей. Они оказались пересоленными и разваливались на мелкие части при попытке наколоть их на вилку. Капитан же с удовольствием поедал собственную стряпню, громко щелкая мощными челюстями.

– Раньше у нас каждый вечер был хороший и сытный ужин. А потом мы собирались в камбузе, кок брэнчал на своей гитаре, а остальные играли в кости или карты. Здесь было весело и шумно. Да, Мегрисс?

Седой моряк, не открывая рта, согласно буркнул что-то в ответ, все еще занятый ужином.

– Команда оставила посудину после последнего плавания? – поинтересовался я, оставив всякие попытки утолить голод.

– Не совсем, – капитан внезапно подал голос. – Остатки ее: боцман, старший матрос и кок, действительно ушли, едва мы вернулись в гавань с острова Сорха. А младший состав начал покидать судно еще задолго до этого. Сперва ушел один, затем следом – и второй. За три года команда поредела до пяти человек.

– И почему они ушли?

– Черт его поймет, – в сердцах проворчал мужчина. – Но эта беда коснулась не только «Тихой Марии». И на других судах команда стала прореживаться. Одни говорят, что люди просто боятся теперь ходить в море в обход Континентальных кораблей. Мол, ужесточили меры, и если контрабандистов ловят, то убивают прямо на месте. Но как по мне – это чушь и ересь. И раньше приходилось несладко тем, кого ловили – половина из них так домой и не вернулась. И все равно судна ходили и ничего люди на них не боялись.

– Тогда в чем же причина? – допытывался я.

– Я слышал, что они просто пугаются выходить в море. И жуть на них нагоняет не Единое правительство со своей непомерной жестокостью, а какая-то бесовщина, – ответил капитан, доедая свою порцию мяса.

– Раньше, когда я еще ютился в порту, – влез в разговор малолетний юнга, – начали ходить такие слухи, от которых волосы дыбом вставали. Вот и стали моряки бросать свое дело.

– Что же за слухи?

Я глядел, как мальчишка фривольно развалился на своем табурете, болтая ногами. Он уже допил свой горячий напиток и просто сидел за столом, разглядывая меня и явно желая угодить и понравиться новому гостю корабля. Потому он то и дело встревал в разговор, однако это почему-то никоим образом не раздражало верзилу-моряка, и он не делал юнге замечаний.

– Я случайно подслушал разговор команды, которая только сошла на берег и выгружала ящики со своего корабля. Они были чем-то встревожены, говорили о том, что встретили пустое судно на своем пути, где-то далеко отсюда. Они вызывали капитана, но никто не отве-

тил, и на палубе никого не было заметно. Тогда они решили подняться на борт, подумали, что кораблю досталось от Континента. Хотя это было странно – обычно такие суда служители Единого правительства забирали с собой, а не бросали среди моря... Так вот, поднялись они на борт – а там никого. Тишина, ни души.

– После этого матросы и заговорили о том, что в море творится черт пойми что, и выходить в плавание стало опасно, – закончил за юнгу седовласый капитан.

– А как произошло это в третий, четвертый и пятый раз – порт совсем опустел. Редко кто сейчас выходит в море, – добавил мальчик. – Только корабли Континента и продолжают следовать по торговым путям, хотя и с ними такое случалось.

– А ты, смотрю, редкий смельчак. Все вокруг в суеверном страхе побросали свои посудины, но ты продолжал бороздить морские просторы, – хмыкнул я, глядя на старого моряка.

– Это не волновало меня до того момента, пока я не вышел в море в последний раз. После такого уже сложно отрицать, что в море творится нечто неладное, и слухам начинаешь верить помимо своей воли.

Я ничего не ответил. Молча наблюдал за тем, как за иллюминатором неспешно ползли вслед за плывущим кораблем бледные звезды. Они равнодушно мерцали в своей ледяной выси, словно им не было никакого дела до того, что происходило под ними. Юнга задремал, уронив голову на стол, и громила осторожно подхватил его на руки, перенес и уложил в койку. Мальчик мирно засопел, свернувшись калачиком.

Мы с капитаном безмолвно восседали за столом. Он медленно потягивал золотистое пойло из своей чарки, наливая его из стеклянного графина. Я подумал, что это и впрямь совсем неплохая идея, ведь впереди меня ждала новая ночь, а с ней – и привычная бессонница. Потому я взял чистый стакан и потянулся за графином.

В пустом желудке тотчас разлилось приятное мягкое тепло. Можно выпить еще немного, а потом отправляться в свою каюту: последние сутки выдались нелегкими, и мне нужно было восстановить силы, в первую очередь – душевные.

– Что? Что это?..

Капитан вскочил на ноги и с тревогой стал озираться по сторонам. На лбу и шее у него тут же вздулись крупные вены, ладони сжались в кулаки. Он тараторил то туда, то сюда, прислушиваясь и стараясь дышать как можно тише.

– Ты слышишь? – спросил он.

Я невольно напрягся. Сквозь мерный плеск волн и тихое скрипение корабля расслышать что-то еще было очень непросто. Но все же мне удалось на долю мгновения вырвать из привычной песни моря новый звук. Где-то тихо плакал ребенок.

– Черт возьми! – удивленно воскликнул я.

Капитан побледнел. Он бросил на меня быстрый, исполненный ужаса взгляд, а затем перекрестился. Толку от его внушительного торса и крепких рук сейчас было немного: мужчина дрожал от страха, словно кленовый лист на ветру.

– Ты слышал? Слышал?

– Слышал. Нужно выйти и проверить, откуда доносится звук, – произнес я, поднимаясь на ноги.

– Что? Ты спятил?! – капитан ошалело посмотрел на меня так, словно я нес откровенную бессмыслицу.

– А что ты предлагаешь?

– Сидеть здесь до рассвета и молиться... Ох, мой Бог, сохрани нас! Бедная моя «Мария»...

– Отличный план, старик, – с сарказмом заметил я.

Детский плач явно доносился откуда-то с корабля, шел со стороны пустой палубы. Он то становился тише, и его едва можно было различить на фоне скрежета досок и воя ветра, то внезапно усиливался, словно подбираясь ближе.

– Господи... Спаси нас!

Капитан взмок от пота, его лоб покрыла испарина, с усов на пол каюты падали крупные капли. Он неистово молился вполголоса и крестился. Юнга продолжал мирно спать в койке, находясь в блаженных объятиях забытья.

– Если звук слышен, значит, он откуда-то исходит... Прекрати трястись, старик! Если мы сейчас не пойдем и не выясним, что происходит на твоей развалюхе, то лишь подкрепим страх и дадим ему силу. Ты этого хочешь? Ты хочешь всю жизнь бояться каждого шороха?

Капитан отрицательно затряс головой. Однако я видел, что больше всего на свете он сейчас мечтает упиться в своей каюте до полусмерти и дожидаться первых лучей рассвета, а не следовать за этим ночным плачем.

– Погляди на себя, ты огромен, как самец буйвола. Если бы я тебя не знал и не был осведомлен о том, что ты безобиднее слепого котенка, то при твоём появлении бы просто надевал штаны. Тебя сам Сатана испугается, старик, – подбадривал я его, подталкивая плечом к двери.

Однако как только мы оказались на палубе, моей храбрости мигом поубавилось. Свет сюда проникал лишь из круглого окна каюты, и немногие звезды любезно дарили блеклое холодное свечение. Волны за бортом тихо шептали свою заунывную песню, повсюду вокруг нас стелилась черная морская гладь.

Палуба была совершенно пустой, лишь кое-где валялись свернутые канаты и корабельный инвентарь. Откуда-то с кормы отчетливо доносился тихий детский плач. Если бы не безлюдная палуба, то я мог бы поклясться, что там должны были бы виднеться младенцы. Откуда же исходит этот звук?

Капитан внезапно вскрикнул и отпрянул назад. Его лицо исказила гримаса ужаса, и мне впервые стало не по себе от всех этих странных событий, которые происходили последние дни. Он тяжело дышал, сжимая в огромной ручище крохотный нательный крестик.

– Там тень... Ты видел тень?

– Старик, прекрати выдумывать.

– Я видел, там что-то промелькнуло. Там, за мачтой на корме... Там была чья-то тень!

– Это твое разыгравшееся воображение... Давай, наконец, уже разберемся, что тут происходит.

– Нет, нет! Я туда не пойду! Давай вернемся в каюту, Богом тебя прошу, детектив, давай вернемся и переждем до утра. В прошлый раз я так и сделал, – жалобно скулил он. – Идем, пока не поздно...

Внезапно на палубе стало очень темно. Я с запозданием осознал, что в каюте позади нас погас свет. Теперь на корабле почти ничего не было видно, и «Тихая Мария» погрузилась во мрак. Позади наших спин темной громадиной возвышалась мачта, а еще дальше – чернели иллюминаторы кают. Детский плач резко оборвался, и стало очень тихо. Казалось, что даже волны больше не шумят и не рассекаются надвое о нос судна. Я уловил только тяжелое, свистящее дыхание седого капитана.

– Оно внутри... Мать Божья, оно в каюте... – прошептал старик.

– Сохраняй спокойствие, я уверен, всему этому мы легко найдем...

– Там же мальчик! Там Джек! – взвыл он.

Мы одновременно ринулись к носу корабля. Капитан бежал впереди, громыхая о ветхие доски своими безразмерными ботинками, а я вприпрыжку несясь следом. Когда мы домчали до распахнутой каюты, неожиданно вновь загорелся свет. Я зажмурился и стал тереть глаза.

После нескольких минут полного мрака яркое сияние лампочки причиняло глазам неистовую боль.

– Где он? Где? – зарычал седой моряк.

Я открыл глаза. Капитанская каюта была пустой. Осталась лишь вмятина на выстиранной простыне, где еще недавно спал мальчик. Юнги внутри не было.

– Джд! Джд! Где ты?

Старик вылетел в дверной проем, едва поместившись в него, и исчез из виду. То с одной стороны, то с другой доносились его громкие выкрики, но мальчишка на них не отзывался. Я продолжал стоять у койки капитана, испуганно глядя на шербатые доски, выстилавшие пол каюты. Все происходящее казалось дурным сном.

– Мальчик в воде, – неожиданно для самого себя прошептал я.

И мне почудилось, что на какую-то ничтожную долю секунду за темным иллюминатором блеснули ее безжизненные глаза.

Глава 3. Остров Сорха

«Сегодня ночью я видела странный, безумный сон. Мое тело словно было соткано из мельчайших капелек воды... Я парила высоко в ночном небе как заблудший призрак, и не могла успокоить свою мечущуюся в пустоте душу. Зато я видела чужие – искрящиеся и излучающие тепло, они ярко светились во мгле, где-то в самом низу, под облаками...»

Из дневника Г. М.

1

Мы с капитаном замерли на носу корабля, молча наблюдая за тем, как «Тихая Мария» резво подходит к берегам Сорха. Утро на море выдалось туманным и дождливым – мелкие назойливые капли падали отовсюду, забирались под ткань тонкого плаща, скользили по моим волосам. Старый моряк сейчас напоминал причудливую гальюнную фигуру: он застыл в одной позе, сгрудившись над леером, вперившись остекленевшими глазами в пустоту перед собой.

– Однажды в детстве я заблудился на болотах и коротал там ночь совсем один, – подал я голос.

Пройдет еще полчаса, и мы пристанем к острову. У меня теплилась робкая надежда, что я проделал этот путь не напрасно, и что здесь я найду, наконец, тревожащие мой разум ответы. В противном же случае, все только еще больше запутается.

– Тогда мы жили в небольшом доме на окраине города, где за устьем реки начинаются топи. Я бродил там, собирая больших коричневых жуков, когда вдруг понял, что уже начинает темнеть. В тот раз я забрался так далеко от дома, как никогда прежде. И в стущающемся мраке просто не мог разобрать, откуда именно я пришел. Тогда я просто решил остановиться и сесть на сырую землю, дожидаясь явления нового дня. Ночью повсюду вокруг меня раздавались странные звуки: откуда-то доносилось то звериное рычание, то пронзительный клич хищной птицы, а из влажных недр болот что-то бесконечно чавкало и хлюпало, словно оттуда никак не мог выбраться огромный монстр.

– На кой черт ты мне это говоришь? – проворчал капитан.

– В конце истории будет поучительный момент, который тебя приободрит, – пояснил я.

Старик бросил на меня недоверчивый взгляд. В эту ночь я так и не сомкнул глаз. До самого рассвета мы безмолвно просидели в каюте капитана. Он опустошал один стакан за другим, а я глядел на черную гладь, расстилающуюся позади иллюминатора. Несмотря на бессонные часы, сейчас я ощущал странный прилив сил и даже нечто, похожее на бодрость.

– Так вот, хотя мне было очень страшно, я продолжал сидеть на одном месте, как прикованный. К утру я незаметно уснул, а когда проснулся – было уже совсем светло. И я увидел, что в нескольких шагах от того места, где я провел ночь, находилось несколько круглых глубоких скважин, на дне которых плескалась мутная вода. Даже удивительно, как я в полной темноте не свалился в одну из них...

– Господь тебя уберег, – неожиданно прервал меня капитан.

– Я хотел сказать немного другое, – осадил я его. – Не следует забывать, что дела могли бы сложиться еще хуже. И пока не настанет рассвет – ты не сможешь увидеть всей картины. Иногда нужно просто ждать.

– Тогда уж и ты меня послушай, – седой громила вдруг выпрямил спину и с какой-то странной суровостью посмотрел мне прямо в глаза. – В мире есть вещи, которые невозможно никак объяснить, для обыкновенных людей вроде тебя – это всего лишь совпадение. И мало

кто согласится с тем, что к этому приложил руку сам Господь. Мир погряз в пороке, в похоти, в реках спиртного...

– Но ты ведь и сам любитель выпить, старик, – заметил я.

– Не перебивай меня! – рявкнул он. – В детстве я долгое время жил в монастыре для мальчиков, там меня научили читать и писать, а еще я несколько лет прилежно изучал слово Божье. Но в одну из ночей мне приснился странный сон – я стоял на берегу моря, а вода в нем бурлила, расходясь алыми волнами. Оттуда слышались жуткие, леденящие душу вопли людей. И вдруг небеса над морем разверзлись, забил ослепительный белый свет. Я зажмурился, а когда вновь смог открыть глаза, то понял, что надо мной парит ангел. Он был облачен в белоснежные одежды, а из глаз у него лилось яркое свечение. Он указал своей рукой на кровавое море и спросил, не хочу ли я по-настоящему служить Господу, если так люблю его. Я ответил, что с радостью сделал бы это. Тогда посланник небес велел мне уйти из монастыря и провести остаток своих лет в море. Он ничего не сказал мне о том, что стоит делать, и когда наступит этот момент, а потому я терпеливо дожидался его всю свою жизнь. Когда ты явился в таверну и стал со мной говорить, то я сразу понял, что это время пришло. И все, что нам двоим сейчас остается – это полагаться на указки свыше и не отрицать их существования, не то мы вечно будем брести в полном мраке.

– Пока что я не готов доверить свое брненное тело Всевышнему и опираться на его слова.

– Вскоре ты осознаешь сам, что другого пути у нас нет. Мы столкнулись с тем, что нельзя истолковать при помощи физических законов. И ты, и я сейчас – беззащитные ягнята на опушке леса, в котором рыщут голодные волки.

– У тебя какая-то странная тяга к фатализму и весьма фанатичное отношение к религии, дружище, – возразил я моряку. – Увы, но я не думаю, что нам в этом деле твоя вера как-либо пригодится. Потому я бы советовал тебе опираться на здравый рассудок – это действительно полезнее в данной ситуации.

– И что же подсказывает твой расчетливый разум? Что произошло ночью на моем корабле? Куда испарился мальчик, и почему его следов я не нашел нигде на борту «Тихой Марии»?

– Этого я пока не могу объяснить. Однако многие вещи сперва кажутся нам мистическими, но стоит копнуть глубже – и начинаешь понимать, что ничего потустороннего в них нет, и никогда не было. Если давать каждый раз своему воображению волю, можно любую ситуацию, даже самую обыденную, представить настоящей чертовщиной.

– Думай, как знаешь, – глухо ответил старик.

Берег острова Сорха становился все отчетливее. Обрисовались портовые доки, причал и череда приземистых складов, где обыкновенно хранились грузы, ожидая отбытия. Капитан оставил меня и отправился на мостик, чтобы причалить к одной из заброшенных верфей, которые островитяне ныне использовали для быстрой погрузки ящиков на борт кораблей Континента.

Вдали уже суетились несколько фигурок людей, которые отсюда казались игрушечными. Сначала они ринулись к пустой верфи, но быстро смекнули, что подходящее судно не имело никакого отношения к торговому флоту Единого правительства. Тогда грузчики стали разбредаться кто куда.

Спустя полчаса мои ноги уже ступили на твердую землю. На Сорха было холоднее, чем на Континенте – я мигом продрог и почувствовал, как сырость сковывает все мое тело. На причале кроме нас с громиллой-капитаном не было ни единой души. Только где-то вдали над островом носился обеспокоенный буревестник.

– Давай сперва заскочим в первую попавшуюся таверну, я умираю от голода и не отказался бы от большой кружки обжигающего кофе, чтобы согреться, – бросил я моряку.

Он молча кивнул. «Тихая Мария» осталась за нашими спинами, словно печальная брошенная дама. Седовласый верзила бывал здесь уже множество раз, а потому отлично знал остров и был, конечно же, осведомлен обо всех пивнушках, имеющихся неподалеку. Он резво зашагал мимо пустынных доков, и мне подумалось, что для разгара осеннего сезона поставок здесь как-то больно мало кораблей.

– Погляди, на берегу всего несколько посудин Континента. Не удивительно, что мы никого из них не повстречали на пути сюда.

– Да, это весьма непривычная картина. Обычно в это время все верфи забиты до отказа, порой мне даже приходилось сутки дрейфовать за бухтой и скрываться в ожидании, пока кто-нибудь из них отчалит, – согласился капитан.

– И где же тогда вся эта жадная до наживы флотилия?

– Бес его знает, – равнодушно бросил он.

Мы быстро покинули пристань, и влажный морской туман остался позади. Дорога пошла в гору. Сорха предстал передо мной выцветшим и неприветливым провинциальным местечком. Само поселение располагалось наверху: мелкие одноэтажные домишки гроздились по обе стороны от нешироких асфальтовых дорог, и лишь кое-где их тесный ряд нарушали редкие мастерские, магазины и лавки. На улицах людей почти не было – я встретил лишь несколько тощих голодных собак и одинокую горбатую старушку, которая выползла из цветочного магазина с большим горшком подмышкой.

Казалось, что какой-то причудливый художник намеренно лишил остров всех красок, обрисовав его черно-белой акварелью. Даже строения здесь были окрашены в какие-то сероватые тона, словно местные жители всеми силами избегали жизнерадостной палитры. Осенний ветер свободно гулял пустующими проулками, завывая где-то под стропилами шиферных крыш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.